

Е. Г. Плимак

ПОЧЕМУ УДАЛСЯ ЛЕНИНСКИЙ НЭП И ОКОНЧИЛАСЬ КРАХОМ ПЕРЕСТРОЙКА ГОРБАЧЁВА

Плимак Евгений Григорьевич –
доктор исторических наук,
научный сотрудник ИКСИ РАН.

Нэп как «самотермидоризация» по Ленину

Еще в 1966 г. историк-методолог М.Я. Гефтер «открыл» для современного ему отечественного читателя интереснейшее воспоминание французского коммуниста Жака Садуля. В те времена любой сравнительный анализ событий во Франции 1789–1794 гг. и Октябрьской революции 1917 г. в России, тем более анализ событий 1937–1938 гг. в СССР был историкам строжайше запрещен: какое еще сравнение может быть между «буржуазной» и «социалистической» революциями? В «советской исторической науке» насаждались те же, что и Кратком курсе «концепции», сохранялся сталинский Главлит. Задумали даже заводделом науки ЦК Трапезников и его «родственничек» генсек Брежнев само понятие «культ личности» на XXIII съезде КПСС отменить, но почему-то затея сорвалась¹.

Приведем слова, сказанные в 1921 г. Лениным Жаку Садулю: «Рабочие-якобинцы более пронизательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы и имели мужество и мудрость сами себя термидоризовать!»². Именно от этого высказывания и произойдет в эпоху «гласности» Горбачёва категория «самотермидоризации» Гефтера.

Творя в 1921–1923 гг. концепцию нэпа (по Гефтеру – «самотермидоризацию»), Ленин постоянно занимался **сравнительным анализом** именно Термидора во Франции XVIII в. и событий в Советской России 1921 г.; тогда такое сравнение было естественным. В их совокупности ленинские важнейшие наметки-сравнения и были приведены в 1989 г. автором данной статьи:

1. См. об этом: Плимак Е. На войне и после войны. Записки ветерана. – М., 2005. – С. 124–155.

«1. Общеполитическое значение этого вопроса: = вопрос о *крестьянской* (мелкобуржуазной) *контрреволюции*

Такая контрреволюция стоит уже против нас

2. Теоретический экскурс

(а) буржуазная или социалистическая революция? *Решит борьба...*».

И еще: «Политическая сторона:

Скинет мелкобуржуазная стихия...

«Образец» французская революция...»

И еще: «Стихия»

C'est le mot (Вот слово. – Е.П.)

1794 versus 1924» (выделено мной. – Е.П.)

И еще: «**Термидор**? Трезво может быть, да? Будет? Увидим! Не хвались, едучи на рать»³. С тех пор вышло множество работ о нэпе, но нэп в **международном контексте** почти никто не рассматривал!

Определение «самотермидоризация» в книге Гефтера «Из тех и этих лет», аргументированно им обоснованное⁴, почти не привилось ни у нас, ни в мировой науке. С настороженностью его принял Эрик Хобсбаум⁵. Упоминает о «самотермидоризации» как-то мимоходом в книге «Большевики-якобинцы и призрак Термидора» Тамара Кондратьева (перевод с французского), но ставит некую псевдопроблему: «Был ли нэп термидором?»⁶. В книге венгерского историка Тамаша Крауса «Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928)» мы не находим никаких ссылок на работы Гефтера⁷. В книгах Троцкого «Преданная революция» и «Сталин» (т. 1–2), написанных во второй половине 30-х годов и вышедших у нас в начале 90-х, есть главы о сталинском «Термидоре», но ничего о «самотермидоризации». Так что нам придется начать разговор заново.

Известный специалист по «военному коммунизму» Е.Г. Гимпельсон незадолго до своей кончины издал книгу «НЭП. Новая экономическая политика

2. См. «Иностранная литература». – М., 1966. – № 4. – С. 236.

3. Плимак Е. Политическое завещание Ленина. Истоки, сущность, выполнение. – М., 1989. – С. 192; Его же. Политик переходной эпохи. Опыт Ленина. – М., 2004. – С. 248 и далее (у самого Ленина см. Полн. собр. соч., т. 43, с. 371, 385, 386, 403).

4. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. – М., 1991. – С. 61–62, особенно с. 252–259, 414 и др.

5. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую французскую революцию через двести лет. Дейгер И. Незавершенная революция. Россия 1917–1967. – М., 1991. – С. 81 и др.

6. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. – М., 1993.

7. Краус Т. Советский Термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928). – Будапешт, 1997.

Ленина-Сталина». Удивительно то, что в заголовке автор объединил воедино Ленина, который был **творцом** нэпа и Сталина, который был **«похоронщиком»** нэпа, ведь в итоговой части он констатирует: «сталинский “антинэповский” курс был направлен против ленинского курса на переход к нэпу и его развитие»⁸. О «самотермидоризации» мы у него ничего не находим; не упоминает он и о двух новых важных работах – «Россия нэповская. Исследования» (М., 2002, руководитель авторского коллектива С.А. Павлюченков) и «Другой социализм» Ю.Г. Буртина, опубликованной в сборнике «Красные холмы» (1999) и включенной в вышедшую уже посмертно книгу «Исповедь шестидесятника» (2003) с подзаголовком «Октябрь, НЭП и “Завещание” Ленина в исторической перспективе». Неловко полемизировать с ушедшим в мир иной историком, но поскольку, во-первых, его книга увидела свет лишь два года назад, а во-вторых, важно сравнить позиции двух покойных авторов, чтобы читатель сориентировался относительно того, какой из них следует довериться, укажем, что Е.Г. Гимпельсон не отделяет работы Ленина первых лет нэпа с их принципом: *жесткость в политике, либерализм в экономике* от ленинского «завещания», которое Ю.Г. Буртин великолепно исследовал. После решения экономических проблем Ленин задумался о переменах в «нашем политическом строе», говорил даже о некоем «другом социализме» – эту его концепцию Бухарин будет детально разбирать в 20-е годы. Хорошо известно, что первой и главной мерой нэпа была замена продразверстки продовольственным налогом, который был *почти вдвое меньше*, а затем был *снижен до 10% урожая* и заменен *денежным налогом*. Радикальнейшие изменения происходили в городах – к концу 1922 г. около 90% промышленных предприятий были объединены в 421 трест, 40% осталось в центральном подчинении, 60% отдала в местное. Тресты сами решали, что производить и где реализовывать продукцию, как находить финансовые ресурсы. Тресты охватывались рамками концернов, но входящие в них заводы после взносов в госбюджет сами распоряжались прибылью, а ВСНХ стал неким общероссийским координационным центром, не вмешиваясь в дела предприятий⁹. Именно так появился хозрасчет. Ленин прямо писал: «Государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет, то есть по сути дела в значительной степени на коммерческие и капиталистические (!) начала»¹⁰. Можно утверждать, что на XI съезде партии он чуть-чуть хитрил – успокаивал нетерпеливых коммунистов, привыкших все решать насилием, методами «военного коммунизма», мол, скоро все это «нэповское» кончится!

8. См.: Гимпельсон Е. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX в.). – М., 2004. – С. 300.

9. См.: Россия нэповская. Исследования. – М., 2002. – С. 9–11.

10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 44. – С. 32.

Введенный Лениным в России в условиях тяжелейшей Гражданской войны «военный коммунизм» (1918–1920), с одной стороны, диктовался необходимостью – как-то надо было кормить население в условиях блокады и чрезвычайной ситуации; с другой стороны, в нем проявились ошибочная поспешность РКП(б), стремление сразу ввести насильственным путем в стране совершенно новые коммунистические порядки. Весь этот «военный коммунизм» был решительно отвергнут крестьянством после того, как РККА победила «белых» генералов в жесточайших схватках Гражданской войны¹¹.

Начавшаяся «крестьянская контрреволюция» (это термин Ленина), более опасная, чем все белые генералы вместе взятые, одновременно с восстанием недовольных матросов в Кронштадте с их лозунгом «Советы без коммунистов!», делали ситуацию в стране просто отчаянной. Ленин созывает срочно X съезд РКП(б). Непосредственная угроза Термидора – делегаты съезда участвовали в подавлении мятежного Кронштадта – заставила его объявить «новую экономическую политику», НЭП. Вернее объявить поиск нового решения в обстановке, уже лишенной серьезных помех. И через год выход был найден (после ряда неудач и окончания страшного голода в Поволжье и на юге). Оставшийся у крестьян хлеб разрешили свободно продавать (что ранее беспощадно каралось), на вырученные деньги они стали поднимать свое хозяйство, разоренное в годы Гражданской войны.

Суть нэпа состояла в допущении двух, казалось бы, взаимоисключающих укладов, причем капитализм (его возрождала крестьянская продажа хлеба в деревне и «нэпманы» в городе) ставился на службу «социализму» – на деле госкапитализму, представленному крупными национализированными предприятиями. Средние и мелкие стали денационализировать – возникла запрещенная ранее частная промышленность, пришлось открыть биржи, допустить участие «нэпманов» в товарообороте. В «осередняченной» постоянными разделами деревне рождалось «мелкобуржуазное» хозяйство, наиболее рачительные крестьяне превращались в «сельских буржуа», пользовались разрешенным «наемным трудом» бедноты, хотя в общем-то появившиеся «кулаки» составляли ничтожную часть деревенского населения.

«Хозрасчетные» капиталистические отношения проникли в «социалистическую» крупную промышленность; благодаря внедрению хозрасчета промышленность стала приносить куда большую прибыль, чем было до этого, рабочих перевели с натуральной оплаты на сдельную, денежную зарплату. Учитесь «оживлять капитализм», учитесь «торговать» – призывал коммунистов Ленин. Для многих из них все это, как и богатеющие «нэпманы», стояло поперек горла,

11. См. лучшее пособие по истории Гражданской войны: Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918 гг.; Т. 2: 1919–1920 гг.; переиздано: М., 1990.

коммунисты совершали самоубийства и выходили из РКП(б), но Ленин от нэпа ни на пядь не отступал!

К 1925–1926 гг., уже после смерти Ленина, страна, благодаря нэпу, стала выходить на довоенный уровень развития (1913), ожило население в городе и деревне, измученное Первой мировой и Гражданской войнами.

Партия видела это, но разными глазами. Бухарин, как известно, выступал против взятия какой-либо «дани» с крестьян; Преображенский, напротив, стоял за ужесточение налогов на сельское хозяйство. Как подчеркнул Ю.Г. Буртин, Ленин сумел ввести нэп благодаря своему *непререкаемому авторитету в партии* – она пошла за ним. Тот же Буртин предположил в работах конца 90-х годов, что нэп должен был стать *конвергентной (т.е. лишенной резких социальных антагонизмов) системой*, объединив тем самым тезис о конвергенции, отстаивавшийся еще в конце 60-х годов академиком Сахаровым, с ленинским Заветом. Но это можно было сделать только на бумаге, да и то в условном наклонении. На Западе конвергенционистские посылки стали озвучиваться еще в годы Второй мировой войны, которая свела в один лагерь США и Советский Союз, но затем, по мере усиления холодной войны, позиции конвергенционистов стали ослабевать. В СССР же, с началом горбачёвской «перестройки», напротив, идеи сближения социальных систем получили новый импульс. Этому импульсу последовали Юрий Буртин, Михаил Гефтер, Григорий Водолазов, Евгений Плимак, Игорь Пантин, некоторые другие обществоведы. В своей работе о Бухарине известный советолог Стивен Козн справедливо отмечал, что при Ленине «к концу 1923 года в Советской России сложилась одна из современных тогда (да и потом. – Е.П.) экономических систем»¹². Брили кое-что из ленинского наследия времен нэпа на Западе и социал-демократы, Швеция в 1932 г. здесь стала образцом.

Вопрос о том, был ли нэп вообще пригодным для строительства социализма в СССР, остро встал в связи с предстоящим переходом к периоду реконструкции, восстановления и модернизации промышленности и сельского хозяйства. А в годы «перестройки» стали появляться многочисленные работы на тему о том, надо ли было ломать нэп ради разрушительной для деревни насильственной коллективизации (сопровождавшейся забоем скота крестьянами, падением урожайности) и сверхспешной со страшными рывками (от 45% взлета до 5% спада в первую пятилетку) индустриализации.

Нет никаких свидетельств, что под нэпом и «термидором» Ленин имел в виду возврат к капитализму в масштабах всего общества; напротив, он подчеркивал, что «из России нэповской будет Россия социалистическая» (последняя

12. Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. – М., 1988. – С. 158.

публичная речь на Пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.). Но при этом методы действия партии мыслились исключительно как «реформаторские», «постепеновские». Сам переход крестьянства к новым порядкам, подчеркивал Ленин, должен быть совершен «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»¹³. Говоря о том, что назрел «ряд перемен в нашем политическом строе», а не только в экономике, он планировал **целую эпоху** «мирного культурничества» (*минимум одно-два десятилетия*). Сумеет ли, однако, РКП(б) верно провести перемены? Здесь его одолевали большие сомнения: «нам бы для начала достаточно буржуазной культуры, нам бы для начала обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.е. культур чиновничьей и крепостнической». Увы! Не обошлось!

Волновала Ленина недорешенность национального вопроса в России, ведь наш пример мог определить «завтрашний день» пробуждающегося Востока при появлении подобия «социального мира» на Западе¹⁴.

Мы бы сказали вслед за Гефтером, что это была оставленная РКП(б) Лениным открытая модель. «Самотермидоризация» как ленинский «*выбор*» и «*выход*», «*нэповская альтернатива Октябрю, как новая мировая политика*» — это не только заключительный аккорд, но и лейтмотив его (Ленина. — Е.П.) прикидок, решений, расхождений и столкновений с близкими. Мысль, разраставшаяся в одиночестве, предшествующем безмолвию»¹⁵.

Термидор по Сталину

Сработала ли ленинская идея «самотермидоризации» в России? Только на некоторое время. Поскольку нэп дал возможность большевикам удержать власть в руках в критическое время 1921–1923 гг. и произвести быстрое восстановление хозяйства страны до довоенного уровня к середине 1920-х годов, идея оказалась содержательной и верной. Но в целом стратегия постепенного, реформистского продвижения к социализму не выдержала испытания — «аппарат», находившийся целиком в руках Сталина с его «необъятной властью» (Ленин) развивался в сторону сверхцентрализации, тоталитарного государства с абсолютным единоначалием «вождя». Насильственно проведенная поголовная коллективизация и частичная (при сохранении до 50% ручного труда) и ультра-спешная — с рывками индустриализация, решавшая прежде всего проблему создания ВПК, оказались совершенно несовместимыми с подъемом благосостояния широких масс населения. А борьба за власть в верхушке РКП(б) развер-

13. См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 370, 376, 389–406 и др.

14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 309, 343, 362, 389 и др.

15. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. — М., 1991. — С. 252, 254.

нулась еще при жизни Ленина и привела к совершенно иному термидору – термидору 1927–1938 гг. и последующих лет, к физическому уничтожению Сталиным всех ленинских соратников в Политбюро, избиению почти всей ленинской партийной гвардии, невиданному разгулу террора в стране.

В интересной статье «Ленин – большевизм – русская революция» И.К. Пантин приходит к выводу, что «переход к социализму, поскольку он был продуманной стратегией, включал в себя... различия, разные подходы... не говоря уже об учете местных особенностей в отношении к труду, собственности и т.д.». Словом, единой универсальной формулы перехода России – «Мира миров» – к современной цивилизации не существовало. Ленинская идея «самотермидоризации» как отхода от военного, казарменного коммунизма/социализма, оказалась чуждой для большевиков, чей менталитет сложился именно в эти годы. Они по-прежнему верили в созидательную роль насилия. За это страна заплатила другим кровавым термидором, который под флагом продолжения революции смел с политической арены прежнюю партию идейных функционеров и заменил ее партией державной номенклатуры. Сталинский – антиленинский, антинэповский термидор не был случайностью, но и не вытекал с неизбежностью из условий постоктябрьского развития. «Сталин явился представителем не рассудка победившей пролетарско-якобинской революции, а ее суеверий, не трудного, но трезвого понимания вещей, а ее опьянения от завоевания власти путем насилия». Сталин выражал в политике интересы привилегированной номенклатуры, хотя и невероятно помышлял ею¹⁶.

«Перестройка» как вторая «самотермидоризация»

«Перестройка», полагает Н.И. Рыжков, началась не в 1985, а в 1982 г.¹⁷, когда новый генсек Андропов привлек его и Горбачёва к выработке плана модернизации страны. Затем, после быстро последовавшей смерти Андропова и Черненко, оба реформатора – не без труда – стали во главе государства: Горбачёв – генсеком, Рыжков – председателем Совмина. Коренные преобразования сферы экономики и политики были неизбежны, и дело было пошло на лад: Рыжков ликвидировал сверхцентрализацию Совмина, начался рост производства. Но тут случилось страшное землетрясение в Армении, произошел взрыв на АЭС в Чернобыле, и стали бурно разгораться националистические страсти из-за конфликта между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, затем в Прибалтике. Эти катастрофы и провалившаяся антиалкогольная кампания привели

16. См.: *Вопр. философии*. 2005. – № 4.

17. Рыжков Н. *Перестройка: История предательства*. – М., 1992. – С. 33.

к огромному бюджетному дефициту, который мог быть покрыт только с помощью иностранных займов.

Упоминавшаяся выше ленинская тактика проведения нэпа – *жесткость в политике, либерализм в экономике* – была вообще неизвестна Горбачёву. Да и Запад предоставлял ему займы в порядке обмена на либеральные реформы СССР в политике (демократизация, свобода печати, соблюдение прав человека, выборы в парламент и проч.). Изменить условия этого негласного обмена Горбачёв не мог. Вместо объявленной им «революции сверху», поддержанной «революцией снизу», «наверху» нарастали разногласия и склоки, а «внизу» обнаружился настоящий хаос. Мастер блестящих речей, но предельно нерешительный политик, неспособный решить проблему национальных отношений, снявший с себя ответственность за тбилисский погром, нападение на литовское телевидение и т.п., Горбачёв пытался выехать на «компромиссах» внутри страны и постоянных обращениях к Западу. На поездки на Запад время всегда находилось, а вот на реорганизацию КПСС, в которой прогнила вся «верхушка» и были безгласными, лишёнными всех прав члены партии, времени не хватило.

Посол США в Москве Мэтлок, который за всеми перипетиями перестройки следил пристально и готовил каждую встречу Горбачёва сначала с Рейганом, затем с Бушем, заметил: «Если свобода слова, печати и собраний действительно будет гарантирована, если будут дозволены выборы со многими кандидатами и тайным голосованием, если принципы судебной независимости будут закреплены в законе, тогда я не сомневался – вскоре придет конец монополии Коммунистической партии на власть», а затем на волне растущего национализма наступит и «смерть Империи» (чему он, кстати, и сам немало поспособствовал, постоянно принимая и одобряя действия прибалтийских политиков и общественных деятелей)¹⁸.

Н.И. Рыжков в своей книге «Перестройка: история предательств» предельно осторожен, рисуя возникший в стране хаос, он не называет никаких имен и сил, на этом хаосе спекулировавших, но развал страны описывает точно: «Сепаратистские движения, густо замешанные на национализме, борьба демократических сил с Центром, которому приписывались имперские устремления, привели к распаду государства... Разрушительные действия оказались сильнее созидательных... Между тем, что задумывалось вначале, и тем, к чему мы пришли, – дистанция огромного размера. Мы сдавали идею перестройки национальным амбициям, забастовочным требованиям, «популистским обещаниям странствующих и путешествующих», крикам оппозиции, проклятой необходи-

18. См.: Мэтлок Дж. Ф. *Смерть Империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза* – М., 2003. – С. 12, 46–47, 56, 60, 61, 76–77, 84, 85–86, 91, 92, 93, 100, особенно 101, 123–127, 141–144 и др.

мости эмиссии денежной массы, всяким нехваткам и недостаткам, плановым корректировкам, митинговым страстям... И что осталось в итоге... Все это можно назвать мелкими уступками конъюнктурного времени, но я **называю это предательством тех постулатов... под которыми готов подписаться и сегодня**¹⁹.

Кто совершил это предательство, кого имеет в виду Рыжков, конечно же, ясно – тех, кто срывал попытки Горбачёва предотвратить раскол СССР. Была достигнута, к примеру, договоренность обсудить так называемую «Программу 500 дней» – Рыжков считал ее негодной и не щадящей населения, но главным было – сберечь СССР. У меня сохранился экземпляр «Программы...», на титульном листе все обозначено: «Рабочая группа, образованная совместным решением М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина». Но что сделал Ельцин? Не дожидаясь никаких встреч и обсуждений, в качестве Председателя Верховного Совета России приказал премьеру Российской Федерации Силаеву начать проведение Программы в жизнь на российской территории. А от имени кого выступали три политика, тайком принимавшие решение в Беловежской Пуще (оно было почти все всякого ГКЧП)? – Сговор Ельцина, Шушкевича, Кравчука был сговором за спиной народа, допущены были только ближайшие изготовители бумаг – Бурбулис, Козырев, Шахрай и Гайдар; последний обессмертил свое имя, написав в книге «Дни поражений и побед»: **«Мне идея (раскола единого экономического организма СССР; выделено мной. – Е.П.) показалась разумной»** – можно было «отстраивать государственность» теперь уже независимых стран²⁰. Да ведь большинство из них сразу же откатились на последние по всем показателям места в мире, что тут было «отстраивать» и каким образом?

Объективно: какой бы строй ни восторжествовал в России, раскол единого экономического организма на «суверенные» куски был предательством перед народами СССР, на референдуме подтвердившими свою приверженность единому государству. Но можно и должно сказать пару слов о моменте субъективном – прямом и несомненном сговоре Ельцина с Бушем. Итальянский историк Джузеппе Боффа, сообщая о единоборстве Ельцина с ГКЧП, пишет: «Ельцин даже наладил связь с Бушем, который на базе получаемых с американских спутников сведений, информировал его о военных передислокациях, осуществляемых противником (!?)»²¹; оказывается, Ельцин-Буш вели совместную борьбу!

Под заголовком «С 1983 Горбачёв вел двойную игру» во французском журнале «Figaro Magazine» 22 февраля 2001 г. было опубликовано интервью с

19. Рыжков Н. Указ. соч. – С.

20. Гайдар Е. Дни поражений и побед. – М., 1996. – С. 149.

21. Боффа Д. От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994. – М., 1996. – С. 241.

одним из, как выразился журнал, «могильщиков Советского Союза» Александром Яковлевым.

Корр. Что Вы скажете об эволюции России после распада Советского Союза?

Яковлев. Я продолжаю удивляться тому, что в стране, где насилие является традицией, падение прежнего режима произошло без кровопролития. Я не ожидал, что изменения произойдут так быстро: свобода слова, свобода печати, окончание холодной войны и политических репрессий, реабилитировано 4,5 млн. человек. Но мы платим дорого и за мирную контрреволюцию: все та же номенклатура на своих местах, за исключением крупных деятелей, слишком старых или слишком скомпрометированных... Парадоксально: никогда чиновники в России не обладали такой властью как ныне.

Корр. Но Вас не беспокоит демократическое будущее вашей страны?

Яковлев. Конечно, беспокоит, ибо эти люди делают что хотят. Наша власть – не результат борьбы политических партий, а результат борьбы кланов, объединенных общностью интересов. Не существует противовеса власти... В 1985 г. Горбачёв и я надеялись привести к власти людей искренних. Мы думали, что гражданское общество будет контролировать номенклатуру. Мы переоценили политическую культуру русского народа... В одно и то же время высказывают желание вернуть царя и коммунистическую партию. Но голосуют за Путина. Эта политическая незрелость тревожит. В России публикуются сотни фашистских и антисемитских изданий.

Корр. Встречаетесь ли Вы с Михаилом Горбачёвым?

Яковлев. Почти каждый месяц. Мы все еще питаем надежду организовать широкое социал-демократическое движение, которое обеспечило бы демократическое равновесие. Мне 77 лет, я рассчитываю: молодые покажут нам дорогу, их будет много...

Корр. Будучи советским руководителем, Вы никогда не были ленинцем?

Яковлев. Я бы солгал Вам, что никогда не верил Ленину. Я всегда признавал его громадный масштаб и гениальность. Но мне стали безразличны его идеи, когда я стал студентом. В 1983 г., когда я встретился с Михаилом Горбачёвым, мы решили сделать все, чтобы разрушить ленинскую систему. Социал-демократизм считался зазорным. Мы вели двойную игру. Мы говорили черное, но думали – белое, а фактически мы пытались сделать серое. «Иногда церковь, иногда девки», – гласит старая русская поговорка.

Трагедия (но с видимыми элементами фарса) антисталинистов в среде партийных реформаторов второй половины 80-х годов заключается в том, что, ведя праведную борьбу со сталинским тоталитаризмом во имя гуманных идеалов, они подготовили почву для распада единого государства, социальной деградации, воцарения режима, характеризующегося господством бюрократии, оли-

гархии и криминальных структур. «Перестройка» стала «катастрофой» (воспользуемся термином А. Зиновьева). И это, как ни парадоксально, вдохновляет некоторых политиков и исследователей не на углубленное изучение ленинских идей и проектов, а на реабилитацию Сталина. Дело доходит до абсурда: некая Елена Прудникова в серии «ВОЖДИ» издала книгу «Иосиф Джугашвили. Самый человечный человек. Сосо из Гори» (М., 2005). «Самый человечный человек, уничтоживший 60–70 миллионов россиян! Комментарии здесь излишни, но процитируем умного и честного, увы уже покойного историка В.П. Данилова: «В нашем общественном сознании последнего времени появилась тенденция к оправданию и даже прославлению сталинизма. Она вызвана ответной реакцией, во-первых, на разрушительный характер постсоветских реформ и, во-вторых, на автократические устремления правящих ныне слоев... В действительности – и это убедительно доказывается фактами – все достижения советского общества были следствием мощного социалистического импульса, полученного в результате революции и на многие годы определившего направления и содержание экономического строительства, придавшего этому строительству характер народного подвига. Индустриализация страны, всеобщее образование и здравоохранение, мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были заложены не только в идеях, но и в практике первых советских лет. Они стали реальностью не благодаря сталинизму, а несмотря на препятствия и потери, созданные сталинизмом. Больше того, происшедшее на наших глазах падение советского строя – непосредственное следствие сталинизма»²².

Итак, ленинская «самотермидоризация» не удалась из-за кончины Ленина и триумфа Сталина, совершившего собственный термидор; «самотермидоризация» начального этапа «перестройки» обернулась термидором антилиберального для народа капитализма. Независимо от объективных системных факторов оба поворота показали значимость фактора субъективного. Где найти руководителя государства мудрого и твердого как Рузвельт или Ленин, мы, право, пока не знаем...

22. 50 лет без Сталина: Наследие сталинизма и его влияние на историю второй половины XX в. Материалы круглого стола 4 марта 2003 г. (Институт российской истории РАН).